

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНСТИТУТА
ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ

2004

НАУКА

УДК 39
ББК 63.5
П49

Издание основано в 1971 году,
возобновлено в 2004 году

Редакционная коллегия:
З.П. СОКОЛОВА (ответственный редактор),
Е.А. ПИВНЕВА, А.В. ФРОЛОВА

Рецензенты:
кандидат исторических наук Н.И. НОВИКОВА,
кандидат исторических наук Т.В. ЛУКЬЯНЧЕНКО

Полевые исследования Института этнологии и антропологии /
Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. :
Наука, 1971 –.

2004 / [Отв. ред. З.П. Соколова]. – 2006. – 302 с. – ISBN 5-02-034004-9
(в пер.).

Сборник содержит полевые материалы, собранные как в 2003–2004 гг., так и в предшествующие годы в разных регионах Российской Федерации (Москва и Московская область, Тамбовская и Рязанская области, Республика Дагестан и др.) и ближнего зарубежья (Армения, Латвия, Украина). Диапазон тем и проблем многообразен: девиантное поведение и правосознание сельского населения Центральной России; взаимоотношения в русской семье в аспекте традиционных правовых норм; анализ места жилища в обрядах и верований народов Памира; расселение, численность и традиционная культура хантов Тюменской области; анализ шаманских практик народов Сибири в психоментальном и психодиагностическом аспектах и многие другие.

Для историков, этнологов, культурологов, юристов и всех, интересующихся этнографией народов мира.

Темплан 2006-I-67

ISBN 5-02-034004-9

- © Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2006
- © Коллектив авторов, 2006
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Полевые исследования Института этнологии и антропологии” (разработка, оформление), 1971 (год основания), 2004 (год возобновления), 2006
- © Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

ШАМАНЫ И ШАМАНИЗМ В СВЕТЕ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шаманская тема – одна из наиболее популярных в зарубежных и отечественных научных трудах с середины прошлого века, но известна она стала значительно раньше. Интерес к необычным во многих отношениях личностям, возникший еще у первых путешественников и хронистов, со временем не только не уменьшился – он возрастал порой в геометрической прогрессии. В последние годы англоязычная литература пестрит трудами о шаманах и шаманизме разных народов, выходят различные периодические издания. Недавно была издана первая энциклопедия по шаманизму¹. Немало книг и статей появляется на других языках на эти темы. Советская этнография не особенно активно занималась проблемами шаманизма, хотя во второй половине XX столетия такие работы велись довольно целенаправленно. Взрыв же интереса к этой теме у нас, конечно, пришелся на начало “перестройки”, позволившей вытащить из тайников все, что было известно о магико-мистических практиках, в том числе о шаманах и шаманизме.

Пожалуй, в начале 1990-х годов трудно было предположить, чем это обернется не только для исследовательской практики, но и для общественной жизни. Спрос на явление породил фантастические по качеству и количеству предложения. Исследователи же стали писать о том, что шаманская традиция во многих местах деформировалась, трансформировалась, но еще не совсем исчезла и даже возрождается², а общество обогатилось вновь заявившими о себе многочисленными потомками шаманов, сформировавшейся кагортой неошаманов, появившимися городскими шаманами, синтезировавшими самые разные магико-мистические техники, а также образцами привозного шаманизма, типа методик М. Харнера³, С. Ингерман⁴ и др.

Одновременно у нас (в результате смены отношения к религии и церкви) с объявлением в республиках Тыва, Саха (Якутия), Бурятия шаманизма одной из основных конфессий, наряду с православием и буддизмом, начались довольно странные для этого древнего явления изменения: современные (нео)шаманы стали создавать и юридически регистрировать свои “религиозные организации” (рис. 1). Однако создавались они по принципам, скорее всего, имеющих место аналогов – целительских центров, а имен-

Рис. 1. Шаманы общества

“Дунгур”

Республика Тыва, г. Кызыл. Фото В.И. Харитоновой, август 2000 г.

но к деятельности целителей шаманы максимально приближены по своим основным функциям.

Все происходившее сопровождалось массой журналистских репортажей разного уровня во всех СМИ, взрывом исследовательского интереса на местах к истокам своей традиционной культуры и религиозности, и, конечно же, не меньшим любопытством иностранных следопытов, наконец-то получившим доступ в российское этнографическое поле⁵.

Кстати, интерес иностранцев к Сибири – это особая страница в стимуляции “развития и возрождения шаманизма” в современной России, а также в изучении происходящих здесь социально-культурных и национально-политических процессов. “Возрождение” стимулировалось возможностью зарабатывать на жизнь с помощью платящих за услуги иностранцев (большое подспорье в страшной нищете постперестроечной России), а также реальными выездами за счет приглашающей стороны на Запад (кто же откажется от такого подарка). Экспорт российского шаманизма оказался представлен разными вариантами: обучающие семинары, участие в конференциях, частные выезды для лечения, работа в неких “лабораториях”, устройство личной жизни. Но есть и обратный поток: западные психологи, целители, этнологи приезжают в наши республики... обучаться шаманским практикам. Некоторые из приехавших вообще “превращаются в шаманов”, обнаруживая у себя “шаманские корни”⁶.

Вместе с тем в различных российских регионах ведутся и обычные этнологические исследования шаманизма как зарубежными, так и отечественными специалистами академического круга, традиционно занимавшимися этими проблемами. Сложившаяся ситуация – чрезвычайно пестрая и интересная во многих

отношениях – изучается не только путем привычных для этнологов включенных наблюдений. Например, наши экспедиционные исследования, значительно активизировавшиеся с середины 1990-х годов, позволяют, с одной стороны, практически в варианте непрерывного мониторинга отслеживать происходящее на местах. С другой стороны, научно-исследовательская группа “Центр по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик” (“ЦИШ...”) ИЭА РАН, способствующая развитию различных вариантов работы по исследованию шаманизма в России, проводит специальные научно-практические интердисциплинарные симпозиумы и конференции с экспедиционными выездами в регионы страны (рис. 2). Это дает возможность, объединяя усилия зарубежных, столичных и местных специалистов, изучать конкретные проблемы шамановедения на местах, привлекая к таким экспериментально-практическим действиям тех, кто считает себя (нео)шаманами, а также известных знатоков традиционной культуры.

Иногда такие выезды совмещаются с последующими длительными экспедициями. Так, летом 2003 г. после научно-теоретического семинара “Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов”, проведенного в Москве, большая международная интердисциплинарная группа ученых переехала на территорию Республики Алтай, где продолжила свою работу совместно с алтайскими коллегами и другими учеными из сибирских регионов, присоединившимися к нам на Алтае. После завершения конференции небольшая группа исследователей проводила консультации с представителями Правительства Республики Алтай, занимающимися вопросами религии и сохранения традиционной культуры. В Горно-Алтайске одновременно велось интердисциплинарное исследование (нео)шаманов и близких к ним лиц (рис. 3). Завершив эту работу, некоторые участники конференции продолжили экспедиционные исследования: этнолог Е.П. Батыянова – у алтайцев, а позже у телутов в Кемеровской области; этнологи В.И. Харитонова и Д. Айгнер (Австрия), нейрофизиологи Н.Е. Свидерская и Ю.В. Украинцева (Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН), психолог Е.А. Мещерякова (Федеральный научный клинико-экспериментальный центр традиционных методов диагностики и лечения МЗ РФ) провели интердисциплинарные исследования на Алтае, в Туве и Хакасии.

Экспедиционный выезд, о котором идет речь, был частью интердисциплинарных работ, проводившихся по специальной программе (проекты РГНФ и РФФИ, 2002–2004 гг.)⁷. В целом к ним

Рис. 2. Ритуал поклонения духам местности. Международный семинар-конференция “Сакральное в традиционной культуре”

Республика Алтай, р. Катунь. Фото В.И. Харитоновой, июль 2003 г.

Рис. 3. Экспедиционная работа: Д.А. Функ и Д. Айгер (Австрия) ведут видеозапись диагностического сеанса челканского шамана Т.П. Крачнакова

Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. Фото В.И. Харитоновой, июль 2003 г.

Рис. 4. Н.Е. Свидерская проводит нейрофизиологическое обследование бурятского шамана Б.Ц. Ринчинова

Агинский БАО Москва. Фото В.И. Харитоновой, июнь 2001 г.

привлекались этнологи, психологи, нейрофизиологи (рис. 4), а также (в виде разовых консультаций) психиатры, биофизики, техники и другие лица, заинтересованные в изучении феномена шаманизма. Исследования велись как в лабораторных, так и в полевых условиях. Помимо названной выше интердисциплинарной экспедиции в республики Алтай, Хакасия, Тыва, осенью 2003 г. состоялся выезд в Республику Бурятия и в Агинский БАО в составе этнологов В.И. Харитоновой, Б.Ц. Гомбоева, нейрофизиолога Ю.В. Украинцевой, психолога Е.А. Мещеряковой и психотерапевта С.О. Дарибазаровой. Были также специальные выезды для аудиовизуальной работы и социокультурных исследований (осенью 2002 г. – В.И. Харитонова, Д.А. Функ; зимой 2004 г. – В.И. Харитонова, Д.А. Функ, Н.В. Хохлов; осенью 2004 г. – В.И. Харитонова).

Основной задачей проектов являлось всестороннее изучение личности шамана в контексте его социума, исследование особенностей мировоззрения шаманов и их окружения, анализ шаманских практик. Необходимость этого диктуется тем, что до настоящего момента не решены многие загадки шаманской деятельности, а в этнографических описаниях и этнологической науке фигура шамана представлена довольно примитивно и часто весьма неправдоподобно.

Уникальность личности шамана – человека с особой психо-физиологией⁸, несомненно требует интегрирования исследовательских усилий при обязательном экспериментальном анализе со стороны психологов, нейрофизиологов, физиологов, биохимиков⁹, как минимум. Об этом свидетельствуют усилия западных трансперсональных психологов, нейротеологов и других специалистов¹⁰. Российские ученые имеют прекрасную возможность в настоящее время – на пике “возрождения шаманизма” – осуществлять такие работы.

Впрочем, ситуация “возрождения шаманизма” не столь проста в отношении изучения подобных вопросов, но существующие сложности не помешали организации и проведению глубоких фундаментальных исследований важнейших проблем, связанных с основами шаманизма¹¹ – практики шаманов – и своеобразием самих лиц, которых исследователи определяли как (нео)шаманов. Наоборот, при всей странности многоного происходящего на местах, даже некоторые из нелепых фактов оказалось возможным использовать для лучшей организации работы и обеспечения ее качественного выполнения в кратчайшие сроки. Например, нынешняя группировка по “шаманским центрам” дала возможность приглашать для обследования всех приписанных к тому или иному центру лиц, через их руководителей – подчиненные беспрекословно выполняли указание начальников (рис. 5). Вместе с тем у современных (нео)шаманов в большинстве случаев отмечается серьезный научно-познавательный интерес к тем феноменам, которыми они обладают, что опять же позволило провести приборные обследования вместе со сложным тестированием корректно и быстро. Разумеется, этому очень способствовали и многолетние дружеские контакты, наложенные в рамках работы “ЦИШ...”. Обследования проводились и в Москве в условиях лабораторных экспериментов во время приездов (нео)шаманов в столицу на какие-то мероприятия (в том числе организованные “ЦИШ...”): научные конгрессы или стажировки, обучающие семинары, работу по оказанию целительских услуг.

Авторы интердисциплинарного проекта опирались как на отечественные, так и на зарубежные исследования, связанные, например, с понятием “психоментальный комплекс”¹², на труды М. Элиаде, К. Леви-Стросса, которые, кстати, во многом вышли из “шинели Широкогорова”, на зарубежные труды по трансперсональной психологии, экспериментальной психиатрии, рассматривавшие проблемы шаманизма, на работы по изучению ИСС.

Концепция *психоментального комплекса* (ПМК), идея того, что психическая адекватность личности шамана должна оцениваться с позиции его соплеменников, но не с точки зрения инокультур-

Рис. 5. Руководитель религиозной организации “Адыг ээрэн” К.Т. Дончун во время экспериментального камлания

Республика Тыва, г. Кызыл. Фото В.И. Харитоновой, июль 2003 г.

ногого наблюдателя, выявленные характеристики шаманского становления и практики, описания шаманских путешествий в иные миры (погружений в ИСС) и многое другое в настоящее время актуально и необходимо в научной работе. Основные идеи трудов по шаманизму С.М. Широкогорова, концепция М. Элиаде об экстазе и трансе в практике шамана, уникальное понимание тонкостей шаманских практик Х. Кальвайтом, наблюдения

западных психиатров и психологов (Ч. Тарта, Д. Мартиндейла, Л. Дитриха и др.) за особенностями погружений в ИСС и переживаниями в таких состояниях, данные современной психотронники (эниологии, биоэкстрасенсорики) легли в основу интердисциплинарного изучения шаманов и шаманизма.

Цель предпринятого исследования была определена как интердисциплинарный (интегративный) анализ современного (нео)шаманизма и его адептов (явления и личности). Проводился многосторонний, многоаспектный анализ личности (нео)шамана в социальном, психологическом, нейрофизиологическом планах с акцентом в том числе на глубинный анализ шаманских ИСС и шаманских техник. Изучение ИСС и технико-психоментальной стороны камланий осуществлялись различными путями: с помощью этнологических методик (включенного наблюдения, интервьюирования разных типов) и путем интегративных экспериментов, включающих 1) нейрофизиологическое обследование испытуемых по специальной программе (*автор – Н.Е. Свидерская*) в эксперименте, в процессе специального тестирования, в спокойной обстановке, 2) психологическое тестирование и пролонгированное наблюдение, 3) тест-оценку психиатра, 4) дополнительные обследования с помощью современных приборов, 5) ориги-

нальные наблюдения “визуализаторов” – лиц, с развитыми суперсensитивными способностями, аналогичными шаманским. Исследование же шаманства как своеобразного явления духовной культуры, в основе которого лежит человеческая психофизиология, было проделано преимущественно этнологическими методами. Учитывая специфику предмета исследования, приходилось опираться в первую очередь на качественные, но не количественные методы.

Практическая работа включала несколько вариантов. Исследования велись, во-первых, в условиях лабораторного наблюдения. Его объектами становились, помимо приезжающих в Москву (нео)шаманов из различных российских регионов, проживающие в Московском регионе городские шаманы и лица, практикующие экспериенциальный шаманизм (техника, синтезированная на основе шаманизма индейцев хиваро М. Харнером). Для сопоставления привлекались современные народные целители, российские знахари, ведуны и колдуны. Особые наблюдения велись в ситуациях так называемого полтергейста за лицами, относимыми к числу его “виновников”¹³, а также за ребенком-аутистом, считающимся кандидатом в шаманы.

Вторым вариантом сбора материалов и анализа стала лабораторно-экспериментальная работа, осуществлявшаяся на базе Института этнологии и антропологии РАН (рис. 6) и Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН. Она включала несколько типов специально разработанных интердисциплинарных экспериментов¹⁴ с этнологическими наблюдениями, психологическим тестированием и нейрофизиологическим обследованием, а также использованием различных приборов, позволяющих фиксировать трансформации физического состояния испытуемых в процессе экспериментов¹⁵.

Третий вариант работы – основной для изучения ситуации на местах – экспедиционно-полевые исследования. Во время экспедиционных и командировочных поездок велись включенные наблюдения за (нео)шаманами в привычной для них среде; исследовалась ситуация с современными трансформациями шаманизма (практики (нео)шаманов) и шаманства (духовной культуры и мировоззрения); изучалась современная религиозная ситуация у народов Сибири (взаимодействия и взаимоотношения различных конфессий и их приверженцев), а также шаманство в контексте (нео)религиозных доктрин и шаманизм в контексте лечебно-профилактических практик, государственной медицины. Специальные выезды интердисциплинарной группы были посвящены экспериментальному обследованию открыто практикующих (нео)шаманов, лиц, склонных считать себя будущими шаманами, равно как и местного насе-

Рис. 6. Ю.В. Украинцева проводит экспериментальное нейрофизиологическое обследование неошамана В.С. Топоева

Москва. Фото В.И. Харитоновой, декабрь 2003 г.

ления, не претендующего на шаманское настоящее или будущее, а порой ничего не знающего о самом шаманизме и шаманах (контрольные группы). Особо отбиралась информация о детях, которым пророчат шаманское будущее и даже порой готовят их к шаманскому пути; о случаях полтергейста и роли в нем (по местным представлениям) шаманов и колдунов.

Рабочая ситуация, как уже указывалось, была в значительной степени отлична от привычного исследовательского опыта разового общения с информаторами. Информация от них и о них собирается “ЦИШ...” регулярно на протяжении многих лет. Некоторые из них считают себя полноправными участниками нашего исследовательского проекта, т.к. периодически участвуют в экспериментах и практической работе. Надо заметить, что с отдельными группами практиков действительно проводится координированная научно-практическая работа, как, например, с этнopsихологической лабораторией (руководитель канд. психол. наук В.С. Топоев) Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан; директор – проф., д.и.н. В.Н. Тугужекова), которая представляет собой группу неошаманов-практиков, оказывающих помощь населению и ведущих практико-исследовательскую работу.

Рис. 7. Тувинская шаманка Х. Күллар во время экспериментальной работы с ней продемонстрировала интересные варианты погружения в ИСС

Республика Тыва, г. Кизил. Фото В.И. Харитоновой, июль 2003 г.

Основными объектами нашего исследования были лица, воспринимаемые в своем социуме как обладатели некого особого знания, странных способностей – как правило их относили к кругу (нео)шаманов или будущих шаманов, невольных обладателей “силы”. Интердисциплинарное обследование во многом подтвердило правомерность их специфической репутации. Включенные наблюдения, тестирование и интервьюирование в различных вариантах позволили сделать выводы об особенностях отношения в обществе к феномену шаманизма и самим (нео)шаманам.

В ходе работы подтвердилась правомерность идеи разделения сфер *шаманизма* и *шаманства*, о чем дискутируют отечественные исследователи с 1970-х годов (в данном случае мы имеем в виду тех ученых, которые реально пытались выделить две составляющие, связанные с феноменом шамана в традиционном обществе, а не тех, кто рассматривал терминологические споры или присоединялся к ним). Это разделение, с одной стороны, вызвано наличием у (нео)шаманов специфических способностей экстрасенсорного и суперсенситивного характера, которые сформировали их практику; существованием рядом с (нео)шаманами близких им практиков, не обладающих подобными качествами, с другой. Сами способности связаны с умением конкретных лиц погружаться в определенные типы измененных состояний сознания (ИСС) и работать в таких состояниях (рис. 7).

Если учитывать реальность особых способностей у части социума (весьма незначительной в процентном отношении), то можно предположить его триединую модель, части которой, с учетом восприятия и сущности сакральной сферы, могут имено-

ваться: посвященные – приобщенные – профаны; а с учетом особенностей конкретного феномена: шаманы – шаманствующие – шаманисты. Разумеется, это упрощенная модель. В реальности в каждом социуме – во всяком случае, в настоящее время есть не группа, а несколько групп *посвященных*, как правило, конкурирующих между собой, причем это не только группы (не)шаманов, но и группы представителей иных магико-мистических практик, требующих развития тех же самых способностей. Соответственно у каждой группы посвященных – лиц, с хорошо развитыми суперсенситивно-экстрасенсорными способностями, есть свои приобщенные к их практикам – т.е. те, кто идут по пути развития называемых способностей в русле конкретной практики. И есть профаны – основная часть социума – которые либо примыкают к одной из групп, либо пользуются услугами различных посвященных специалистов и служителей культов (наблюдается ситуация существования феномена двоеверия, при которой одни и те же лица прибегают к помощи то шаманов, то лам, например, либо шаманов/захарей и православного священника или руководителя какой-либо неорелигиозной организации и т.п.); некоторая часть профанной среды вообще оказывается вне поля деятельности как посвященных, так и служителей культов.

Эта модель значительно усложняется наличием в обществе (не)религиозных организаций, которые со своей стороны также претендуют на владение сакральным знанием. Если учесть, что шаманов исследователи часто относят к категории религиозных деятелей, то вопрос оказывается весьма запутанным. И здесь необходимо: 1) разделить шаманизм (практику профессионалов) и шаманство (мировоззренческий и культурный слои жизни общества) и 2) дифференцировать шаманов и жрецов шаманистского культа с тем, чтобы выявить, где проявляется религиозный (в данном случае точнее религиозно- и магико-мистический) компонент и кто связан с собственно религиозной практикой.

Традиционные знания о практике шаманов убеждают в том, что люди, обладающие порой уникальными способностями, занимались обычно своим непосредственным делом, которое требовало их навыков и знаний: это лекарская практика, предсказания, гадания, ясновидческие поиски и т.п. Жреческие акты, обращенные к божествам и духам, осуществляли иные специалисты или старейшины родов, наиболее уважаемые и почитаемые личности. Им не требовались навыки погружения и работы в ИСС. Они, кстати, не могли заменять шаманов, но шаманы – *посвященные* – иногда (при путанице функций) могли оказаться на их месте и провести ритуал так, как его проводили жрецы – *приобщенные*. Однако в большинстве традиций существовали запреты

не только на подобные замены, но иногда и на присутствие шамана на таком ритуале; аналогичные ограничения могли распространяться на женщин – то и другое связано с понятием нечистоты, с определенным отношением к миру духов. Жреческие функции могли выполнять *алгысчи*, в роли которых выступали почтенные старцы или сказители; их могли называть в некоторых традициях белыми шаманами. И это вполне понятно, т.к. своеобразие их таланта обеспечивало максимальную удачное отправление длительных ритуалов с испрашиванием благополучия и жертвоприношением, где важен был сам ритуал и текст, в отличие от деятельности шамана, в которой важны были его суперсенситивные и экстрасенсорные способности, склонность к психотерапевтической работе.

В современных обществах, где наблюдается бурное “возрождение шаманизма” в последние 10–15 лет, есть моменты, подтверждающие тот факт, что собственно шаманизм нельзя отождествлять с религиозной деятельностью. Это, например, ярко проявляющееся стремление некоторых культурных лидеров и деятелей науки к созданию “национальных религий”, что осуществляется фактически на материале древних представлений, сконцентрированных в недалеком прошлом в шаманстве. Предлагаемые концепции во многом соотносимы с мировыми религиями и создаются отчасти по их образу и подобию. Они вполне могут соперничать с неорелигиозными харизматическими изложениями (ср., например, “Церковь последнего Завета” Виссариона) или с попытками найти утерянное знание в виде подделок на основе культурного наследия какого-либо народа (например, “Велесовы книги”).

Второй яркий момент, подтверждающий нерелигиозность собственно шаманской практики – это, как ни странно, создание различных “шаманских религиозных организаций”. Такие организации имеются сейчас во всех республиках, где шаманизм приравняли к конфессиям. Самим их создателям наличие подобной официальной регистрации весьма выгодно, поскольку освобождает их от налогов на получаемую от лекарской, гадательной, ясновидческой практики прибыль. Организации, созданные по образцу партийно-профсоюзной системы, берут на себя выполнение в том числе жреческих функций, однако при довольно четком функциональном разделении специалистов, что связано с наличием конкретных знаний и навыков, но в первую очередь – с развитием специфически шаманских способностей¹⁶. Вместе с тем такие “религиозные центры” либо все же функционируют как некие “шаманские дома”, напоминающие иногда целительские центры, либо существуют на бумаге, а в реальности отдельные записанные в состав их соучредителей личности продолжают

свою индивидуальную лекарскую или жреческую практику на дому. Таким образом, “церкви” из них не получается, как собственно не получается и “религии” – взгляды представителей подобных объединений слабо оформлены и часто, как и сама практика, индивидуализированы настолько, что среди них могут быть условно православные, буддисты, стихийные атеисты.

Важнейшим отличием шаманов от служителей культов и религиозных деятелей оказываются их хорошо развитые природные или благоприобретенные способности к ИСС-практикам. Если жреческая деятельность базируется на выученном знании и умении правильно, а иногда творчески оформленно его преподнести, то шаманская – на умении вызвать у себя такое состояние, которое позволит осуществить необходимое экстрасенсорное (эниосуггестивное) воздействие или суперсенситивное восприятие информации (например, при диагностике). При такой раскладке возникают сомнения относительно поддерживаемой многими исследователя концепции сильного творческого начала в шаманизме. Идея, что шаман – это и жрец, и поэт, и правитель (во всяком случае, по древним материалам) – вызывает закономерные сомнения. Она требует уточнений, которые стало возможно сделать при исследовании ИСС-практик у шаманов. Очевидно, что это достаточно близкие виды деятельности, но глубинно они разграничиваются. Остановимся на этом подробнее.

Современные данные по народному целительству в России убедительно свидетельствуют о том, что у лиц, которые начали целительскую практику согласно внутренней расположленности к ней (природной/врожденной или благоприобретенной в основном через эмоциональный шок или в результате физической травмы), часто отмечается стремление к сочинению музыки, стихов, обращение к живописи, песенному исполнительству и другим видам творчества. Эти люди обычно либо сопрягают свою основную деятельность целителя с творческими занятиями, либо превращают творчество в разновидность целительных процессов¹⁷. Кому-то из них может легко даваться то и другое, а кто-то больше будет ориентирован на собственно творчество, целительская же практика у него будет сводима к психотерапевтической работе, в том числе через свое творчество. Сами творческие состояния могут быть очень глубокими погружениями, порождающими произведения, которые воспринимаются как гениальные, поскольку затрагивают глубинные эмоциональные основы и воспроизводят некие архетипические начала. Но при всем том это разные виды деятельности. И эта разница, видимо, связана со спецификой погружения в ИСС.

Рис. 8. Экспериментальный сеанс проводит оператор Н.А. Куприяшина (аспиранта ИЭА РАН). Перципиент – психиатр и психотерапевт В.Н. Трофимов
Фото В.И. Харитоновой, Институт нейрофизиологической и высшей нервной деятельности РАН, июнь 2002 г.

Шаманские техники используют различные варианты погружений, которые соответственно вызывают разные состояния. Что именно и как используется в конкретном случае – зависит от: 1) традиции, в которой практикует шаман, 2) учителя, вводившего в шаманство и посвящавшего кандидата, 3) личных возможностей адепта, 4) его психофизиологического состояния в данный момент, 5) особенностей клиента, 6) характера запроса. Шаманы используют погружения под бубен, варган и другие инструменты; могут войти в нужное состояние и без них. Использование какого-либо инструмента позволяет даже по его звучанию отслеживать, насколько глубоких состояний пытается достичь шаман. И это весьма значимо.

Например в технике М. Харнера – мягкой и не травмирующей – наблюдается медленное поэтапное погружение (особенно в процессе обучения) (рис. 8). Это соотносимо с некоторыми рассказами традиционных шаманов о характере их контактов с духами: изначально, на первой стадии человек “видит” с закрытыми

глазами, как начинают мелькать и искриться какие-то полосы, молнии, снег; потом все это обретает некое подобие форм, постепенно превращающихся в зрительно воспринимаемые образы-персонажи¹⁸; далее ожившие персонажи начинают общаться и, в конце концов, у вызвавшего их адепта возникает ощущение полной реальности происходящего, в которой он сам задействован как равноправное существо, часто даже зависимое от обстоятельств и персонажного ряда. Каждая из этих стадий дает разные психофизиологические ощущения и различные возможности для выполнения шаманских задач¹⁹.

В одном из наших обучающих экспериментов кандидат неожиданно в ходе сеанса потребовал бубен, а получив его, резко сменил ритм работы и силу удара, в результате чего через несколько минут он достиг нужного ему состояния. Выяснилось, что нарушить ход эксперимента его заставил характер проявления образно-персонажного ряда: по технике обучения он мог получить только мерцающие образы, в то время как он ранее уже был знаком с состоянием “реального общения” с образом-персонажем. Взяв бубен, он, естественно, достиг нужной стадии погружения и “увидел” все так, как ему хотелось.

Качество “видения” в этой и других техниках свидетельствует о глубине погружений. Собственно творческие состояния не требуют глубоких погружений, при которых, кстати, наблюдаются серьезные психофизиологические трансформации, вплоть до отключения некоторых физических функций (в состоянии каталепсии, например), когда творческий акт маловероятен. И вместе с тем, творчество и шаманские практики иногда не просто соседствуют, но совмещаются. В технике “вселения духа”, используемой агинскими бурятами, сам процесс суперсенситивного восприятия и экстрасенсорного воздействия объединены непосредственно с актом актерского мастерства. Это одна из наиболее интересных загадок в техническом отношении. По описаниям адептов²⁰ шаман, вселяя духа шамана-предка, свой дух выводит за пределы тела (воспринимает реальность только со стороны, что схоже с состоянием клинической смерти). В это время “предок” в “трансформированном теле” шамана проводит сеанс общения с клиентами. При этом шаман входит в образ некого конкретного человека – его пластика, внешний вид, голос резко меняются, он “превращается” в “старика” или “старуху”.

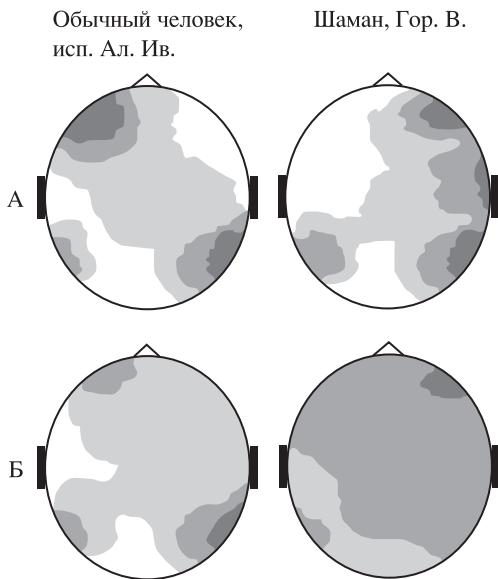
Если не знать, что в процессе шаманского сеанса у адепта происходят серьезные изменения нейро- и психофизиологических параметров, то можно воспринять это только как актерскую игру. Актерские “вживания в образ”, как известно могут сопровождаться глубокими погружениями в ИСС, что подтверждает, например,

печальный опыт некоторых известных актеров, попадавших на консультации и лечение к психиатрам и психологам после глубоко пережитых ролей. С другой стороны не исключено, что были шаманы-шарлатаны, которые могли с легкостью использовать такую технику, обманывая клиентов; как собственно есть и актеры, работающие на подражательных техниках актерского мастерства. Сложности каких-либо классификаций здесь пока очевидны. Однако уже сейчас можно сказать, что в целом для шаманской деятельности требуются в значительной степени иные навыки, нежели чем для актерского мастерства и, например, сказительского искусства. В отличие от настоящих больших шаманов все иные называемые здесь лица могут быть отнесены по нашей общей классификации к категории *приобщенных*.

Психологические и нейрофизиологические данные подтверждают сложности этих процессов и открывают путь к дальнейшему более глубокому изучению творческих состояний в сравнении с шаманскими.

Интересно, что психологическое тестирование и приборное обследование аутентичных (нео)шаманов Южной Сибири выявило довольно неожиданные особенности этих личностей, в частности: 1) шаманы чаще всего относятся к сангвиническому и флегматическому темпераментам, они могут быть как экстравертами так и интровертами, однако у них обычно низкая тревожность и эмоциональное напряжение, они эмоционально устойчивы; 2) шаманы имеют хорошо развитые механизмы для снижения психического напряжения, несмотря на то, что сам уровень напряжения у них повышен: видимо, шаманская практика выступает как самостоятельный, а не компенсаторный вид деятельности; 3) для шаманов характерна слабо выраженная индивидуальность, стереотипия и стандартность мышления; 4) уровень фантазирования у шаманов неожиданно низок; 5) во время камлания в организме шамана происходят определенные психофизиологические изменения, имеющие ситуационный характер, но присущие именно таковой форме деятельности.

В экспериментальном нейрофизиологическом исследовании у шаманов также были выявлены значимые особенности нейродинамических процессов. У них, по сравнению с обычными людьми, даже в состоянии покоя наиболее “простые” формы взаимосвязей между биопотенциалами коры головного мозга снижены в левом полушарии, зато усилены в височных зонах правого полушария (рис. 9). В то же время наиболее “сложные” формы взаимосвязей усилены по всей коре головного мозга. Это может свидетельствовать о том, что организация нервных процессов у шаманов более сложная, чем у обычных людей.

Рис. 9. Типичные формы пространственной организации биопотенциалов у обычных людей и шаманов

А – “простые” взаимосвязи;
Б – “сложные” взаимосвязи

Особенности пространственной организации у шаманов по сравнению с обычными людьми позволили провести так называемую ЭЭГ-дискриминацию, т.е. по совокупности ряда показателей провести автоматизированное компьютерное распознавание принадлежности

стого того или иного индивида к первым или вторым. При этом мы обследовали как шаманов г. Москвы, так и Сибири (рис. 10); обычные люди были жителями Москвы или Московской области. Если суммарный показатель (по вертикали) выше определенной условной границы, то обследуемый индивид относится к группе шаманов, а в том случае если не достигает этой границы, то принадлежит к группе обычных людей.

Как видно из рисунка, точность распознавания довольно высокая: среди шаманов г. Москвы всего 4 человека из 24 (16,6%) распознаны неправильно. Среди шаманов Сибири – все 18 человек распознаны правильно. Обычные люди также оказались принадлежащими к своей группе за исключением двух человек, у которых показатель оказался выше условной границы.

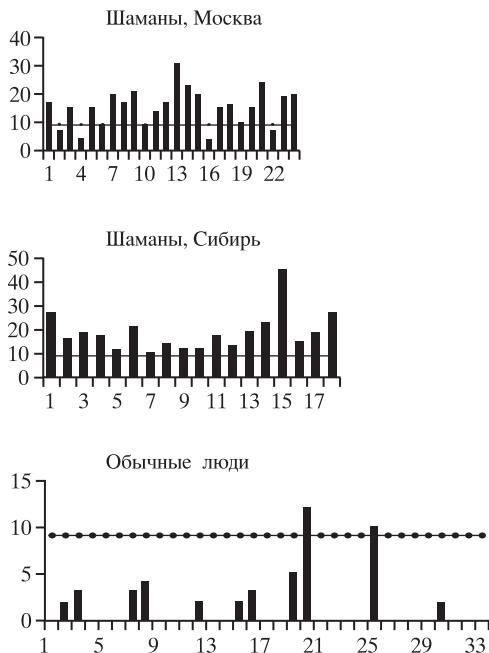
Один из тестов показал, что шаманы не склонны к ассоциативному воображению. Предложенный вербально ориентированный тест продемонстрировал, что коэффициент воображения у шаманов значимо ниже, чем в контрольной группе. Это понятно, поскольку тест требовал аналитического, а не синтетического способа решения, активности левого полушария. При этом тесты на воображение (например, воображаемая работа с реально существующим пациентом) выполнялись с высокими показателями и демонстрировали активизацию процессов в правом полушарии, возникновение так называемой “оси сверхсознания”, которая проявляется у людей при творческой деятельности²¹.

Рис. 10. ЭЭГ-дискриминация шаманов и обычных людей

По горизонтали – случаи наблюдений, по вертикали – суммарный индекс отклонения, на основании которого производили дискриминацию. Прямая линия – условный порог дискриминации

Таким образом, фольклорно-психологические данные о качественно разных ИСС, используемых шаманами и например сказителями (представителями творческой профессии, связанной со словом), не противоречат нейрофизиологическим показателям. Это позволяет говорить о принадлежности сказителей и иных алгысчитов, жрецов, работающих со словом как основным компонентом их деятельности, к *приобщенным*, в то время как шаманы остаются в категории *посвященных*. Исследование проясняет, но не снимает вопрос в целом об особенностях каждой конкретной личности, которая имеет возможность развиваться в суперсенситивно-экстрасенсорном отношении. Кстати, специальные нейрофизиологические работы с подростками, у которых пытались по особой восточной технике развивать творческие возможности, показали значительные различия в вариантах нейродинамических процессов.

Обратим внимание на то, что *посвященность* рассматривается нами в первую очередь как наличие навыков погружения в глубокие стадии ИСС и работы в них. Принадлежность шаманов к *посвященным* связана с опытом их работы в сфере ясновидения и дальновидения, а также лечебной практики. Две первые особенности в данном проекте специально не рассматривалась, как вообще не затрагивались вопросы проскопии и ретроскопии, которыми много занимаются парапсихологи, а наблюдения за процессом оздоровления проводились в разных вариантах, в том числе в виде интердисциплинарного эксперимента. К сожалению индивидуальность любого процесса и сложности пролонгированных исследований не позволили

осуществлять такую работу массово, но единичные случаи оказались весьма убедительными в том отношении, чтобы говорить о наличии и позитивности использования таких оздоровительных техник. Возможно, что секрет странных выздоровлений многих пациентов даже в ситуациях, признаваемых медиками критическими, связан не только с лекарем-шаманом или целителем, но и с самим пациентом (вспомним о знаменитом эффекте плацебо). Экспериментальные нейрофизиологические исследования показали, что в процессе шаманской работы наблюдается коррекция функционального состояния мозга. Направленность ее тесно связана с исходным уровнем его отклонения, проявляющимся либо в гипоактивации, либо в гиперактивации (как всего мозга, так и отдельных корковых регионов). Не исключено, что в этом процессе запускаются механизмы включения саморегуляции, осуществляющие нормализацию функционального состояния мозга. Это можетвести к ликвидации психосоматических и вероятно даже физиологических расстройств организма.

Таким образом, в результате интердисциплинарных исследований феномена шаманизма и личности шамана можно утверждать: шаманы – это личности особого типа, освоившие навыки погружения в глубокие стадии ИСС и работы в них. Используя разнообразные техники, они имеют возможность в процессе глубинных погружений в ИСС переживать необычные психофизиологические ощущения и извлекать из таких состояний некие особые проявления психического и физического мира, которые невозможно получить в обычном состоянии сознания (ОСС). Особенности конкретных шаманских состояний необходимо более подробно исследовать в интердисциплинарном варианте с привлечением для контроля нейрофизиологического обследования с помощью программы “ЭЭГ-синхро”. Это позволяет не только вполне реалистично и разумно объяснять многие процессы, происходящие как с самим шаманом, так и с его клиентами/пациентами, но и рационально изучать то, что считается пока непознанным или несуществующим. Очевидно, что длительная и кропотливая работа в данном направлении нужна для познания феноменов Человека и Вселенной.

¹ Shamanism. An Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture / Ed. by Mariko Namba Walter and Eva Jane Neumann Fridman. Santa Barbara, California – Devner, Colorado – Oxford, England. 2004. Vol. 1–2.

² См. подробно: Харитонова В.И. “Возрождение шаманизма”: религиозный вопрос или психоментальная проблема? // Этносы Сибири. Прош-

лое. Настоящее. Будущее: Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2004. Ч. 2. С. 76–83.

³ Harner, Michael. *The Way of the Shaman*. NY, 1980; 1990; Харнер М. Путь шамана. М., 1999.

⁴ Ингерман С. Возвращение души. Восстановление разбитого на части “Я”. Киев – М. 2001.

⁵ На сложности ситуации переходного периода, в том числе связанные с появлением в российском этнографическом поле иностранных исследователей, обращает внимание, в частности, В.А. Тишкив (см.: Тишкив В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 28). Однако создавшаяся ситуация до сих пор не проанализирована нашими учеными, не говоря уже о том, что она не отслеживается. Попытки обсудить проблемы возможности коллегиальной работы в поле аборигенными, столичными и зарубежными исследователями предпринимались – см. например: Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического семинара-конференции “Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов”. Москва – Республика Алтай. 6–15 июля 2003 г. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 50–90 (ЭИ... Т. 9, ч. 1).

⁶ См. например: Сарангэрэл. Зов шамана. Древние традиции и духовные практики. М., 2003. Автор книги Джулия Энн Стюарт родилась в 1963 г. в США. Ее предки – выходцы из Сибири, эмигрировавшие из России после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1991 г. Джулия приехала в Тункинский район Республики Бурятия, где приобщилась к шаманским практикам. В настоящее время считает себя шаманкой, сохранившей традиции бурятского рода Тэртэ. Является иностранным представителем монгольской шаманской организации “Golomt Center for Shamanist Studies”, живет то в Улан-Баторе, то в Улан-Удэ.

⁷ Гранты РГНФ: “Шаманы и шаманизм: интердисциплинарное исследование личности и явления” 2002–2004 гг. № 02-06-00042а, “Шаманы и шаманизм: комплексное исследование личности и явления” 2003 г. № 03-06-018003е; РФФИ: “Женщина и возрождение шаманизма (“постсоветское пространство” на рубеже тысячелетий)” 2003–2004 гг. № 03-06-80179а.

⁸ Специфичность психофизиологии шаманов и близких им лиц опровергать уже невозможно после исследований практической психологии различных направлений и экспериментального шаманизма в различных вариантах, широко распространенного в настоящее время по всему миру, благодаря усилиям антропологов, прошедших через ритуалы посвящения в различных обществах с шаманскими традициями.

⁹ Биохимические исследования шаманов начались в США и других странах Запада еще в 1970-е годы. В 1980 г. в Монреале прошел один из первых крупных международных конгрессов с попыткой интердисциплинарного обмена материалами – “Шаманы и эндорфины”.

¹⁰ Особенно в свете новейших данных квантовых наук. Например, последние исследования австрийских ученых демонстрируют возможности доказательства телепортации и передачи информации на квантовом уровне; похожие результаты представляют японские ученые, чьи работы в последние годы активно субсидируются государством и мощно развиваются, благодаря этому.

¹¹ О специфике использования терминов и теоретических основах этногической составляющей данного исследования см.: Харитонова В.И. Шаманы и шаманисты: некоторые теоретические аспекты изучения шаманизма и иных традиционных верований и практик // ЭО. 2004. № 2. С. 99–118, а также: Функ Д.А., Харитонова В.И. Шаманство или шаманизм?..// “Избранники духов” – “Избранные духов”: Традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В.Н. Басилова (1937–1998). М., 1999. С. 41–71 (ЭИ... Т. 4).

¹² Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. L., 1935.

¹³ См. об этом: Харитонова В.И. Из опыта “полевой работы” на семинарах “Центра по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик” (Фантастичен ли роман М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”?) // Полевые исследования ИЭА РАН / Отв. ред. З.П. Соколова. М., 2002. С. 138–158.

¹⁴ Описание одного из типовых экспериментов см. в разделе: Научно-экспериментальная студия “Измененные состояния сознания – виртуальный мир “глазами” ясновидящих и топографическое картирование мозга” // Материалы международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума “Экология и традиционные религиозно-магические знания”. Россия: Москва – Абакан – Кызыл. 9–21 июля 2001 г. М.: ИЭА РАН, 2001. С. 282–298 (ЭИ... Т. 7, ч. 2).

¹⁵ Напр.: Мамий В.И. Оценка функционального состояния организма. Методология и приборная реализация / Там же. С. 290–292.

¹⁶ Разумеется ситуация несколько осложняется тем, что среди (не)шаманов встречаются лица, приписывающие себе (сознательно или в силу недопонимания) наличие развитых суперсенситивно-экстрасенсорных способностей. Ради подтверждения своей избранности, они берутся выполнять различные ритуалы и действия, прибегая к яркой актерской игре, демонстрации неких “фокусов” и т.п. Это имело место в традиционных обществах всегда, с чем столкнулись, конечно же, исследователи прошлых лет и что вводило в заблуждение многих из них относительно оценки самого феномена шаманизма, равно как психической нормы шаманов. В ситуации интердисциплинарного исследования психолого-психиатрический и особенно нейрофизиологический контроль позволяют четко разделять тех, кто действительно имеет возможность входить в глубокие стадии ИСС, проводя в них соответствующую работу, и тех, кто поверхностно изображает подобные погружения. Однако это не означает, что местное население, контактируя с представителями второй группы, не получает никакой помощи: очень часто именно эти люди становятся “стихийными психотерапевтами”, оказывая значительное воздействие на обращающихся к ним пациентов. Таким образом, понятие “шаман” включает варианты личностей, как “шаманизм” – варианты практической работы.

¹⁷ См., напр.: Харитонова В.И. Портреты народных целителей России. М., 1995. С. 81–88.

¹⁸ См., напр.: Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991. С. 254–255.

¹⁹ Подробно см.: Харитонова В.И. “Не в воле человека стать шаманом”? // Шаманский дар. К 80-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В.И. Харитонова. М., 2000. С. 312–338 (ЭИ... Т. 6).

²⁰ Подробное описание см.: Харитонова В.И., Ринчинов Б.Ц. “Ты – во мне. Я – в тебе...” // Восточная коллекция. 2004. № 2(17). С. 93–103.

²¹ См. об этом: Симонов П.В. О двух разновидностях неосознаваемого психического – под- и сверхсознании // Бессознательное. Многообразие видения. Новочеркасск, 1994. С. 60–68; Свидерская Н.Е. Нейрофизиология и исследования НСС // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Материалы международного конгресса. М., 1999. С. 125–133 (ЭИ... Т. 5, ч. 1).

Н.В. Шляхтина

**ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ
ОСВЯЩЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩА
В РУССКИХ СЕМЬЯХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.***

С начала 1990-х годов в секторе русских и других восточных славян (сейчас отдел русского народа) ведутся исследования православной религиозности как в исторической ретроспективе, так и сегодня. Интерес к данной проблематике отражает общую тенденцию развития отечественной этнографии, приоритеты которой сегодня перенесены на духовную культуру в ее личностных и коллективных проявлениях. Обращение к изучению православия у русских логично объясняется тем, что в течение тысячи лет оно являлось официальной религией народа и потому не могло не повлиять на его культуру. Внимание к православной проблематике обусловлено и появившейся в последнее десятилетие возможностью наблюдать расширение сферы влияния церкви (открытие храмов в городах и селах, монастырей, создание разветвленной сети паломнических маршрутов, появление новых периодических изданий, выпуск литературы соответствующего содержания), а также постепенное восстановление механизмов межпоколенной передачи религиозной традиции (прежде всего за счет снятия государством запретов на внешние проявления веры). Изучение религиозности ведется учеными в отдельных регионах и по отдельным тематическим блокам – обрядность и представления, связанные с началом и концом жизни человека; обеты; паломничества; хозяйственная деятельность и т.д.

В рамках обозначенной проблематики мною разрабатывается тема “Жилище как среда проявления религиозности у русских

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте”. 2003–2005 гг.